

СООБЩЕНИЯ

УДК 061.3

DOI: 10.58529 / 2782-6511-2022-1-4-92-95

Открытый историко-географический семинар в городе Екатеринбурге

28 октября 2022 г. в Екатеринбурге состоялся Открытый историко-географический семинар. Это мероприятие стало логичным продолжением Первой и Второй научных школ исторической географии в Екатеринбурге, проходивших, соответственно, в 2020 и 2022 гг.¹ Тогда организаторы отмечали отсутствие в регионе специализированных семинаров и круглых столов по историко-пространственной тематике. Большинство регулярно проводимых здесь исторических конференций собирают множество участников с самой широкой и разнообразной тематикой докладов. Для слушателей школы сложившаяся ситуация затрудняла презентацию собственных результатов историко-географических исследований в научном сообществе и их квалифицированное обсуждение. С этим были связаны трудности повышения как профессиональной квалификации молодых исследователей, так и их кооперации между собой.

Модератором семинара выступил заведующий Центром методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН (ИИиА УрО РАН, Екатеринбург) к. и. н. К. И. Зубков. В своем вступительном слове он отметил, что сегодня историческая география объективно становится одним из лидирующих, перспективных направлений исторической науки. В силу многих обстоятельств, историческая география сегодня покидает скромные рамки вспомогательной исторической дисциплины и выходит на уверенную магистраль развития как один из значимых компонентов высшего гуманитарного синтеза. Прежние географические сущности, прежние регионы и границы, которые, казалось бы, навсегда канули в прошлое, исчезли под слоями новых реальностей, снова всплывают на поверхность политической и социальной жизни. Многие межцивилизационные разломы, которые мы наблюдаем сегодня, глубоко обусловлены географическими факторами. А это значит, что связи человека с окружающей природно-географической средой носят более устойчивый и более глубокий характер, чем это мыслилось прежде. Стало понятно, что в историческом развитии география детерминирует своего рода структурные инварианты самой долгой исторической длительности, которые не так просто сходят с исторической сцены. В настоящее время, с переходом к новой глобальной регионализации и в условиях нарастающего дефицита всего, что дает природно-географическая среда, — пахотных земель, воды, лесов, энергоресурсов, — мы наблюдаем колоссально возрастающую роль пространственных отношений, что делает развитие исторической географии как никогда актуальным.

Программу докладов открывало выступление заведующего Отделом социально-экономической географии Института географии РАН (Москва) д. г. н. В. Н. Стрелецкого на тему «Европейское и российское культурные пространства: сравнительный историко-географический анализ». Целью доклада являлось сопоставление процессов регионализации культуры и генезиса региональных идентичностей в европейском и российском пространствах. По мнению докладчика, культурный регионализм зарубежной Европы — закономерное следствие исторического развития субконтин-

¹ См.: Бородина Е. В., Михеев М. В. Научная школа по исторической географии в городе Екатеринбурге // Уральский исторический вестник. 2020. № 4. С. 148–150; Абрамов И. В. Итоги II научной школы по исторической географии // Там же. 2022. № 2. С. 195–197; Вторая научная школа по исторической географии в городе Екатеринбурге // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1. № 2. С. 138–140.

нента, сложившейся еще в средние века децентрализации всех сторон общественной жизни. Характерные черты европейского культурного пространства – полицентризм; дробность районов с мозаикой и чересполосицей культурных ландшафтов; высокая плотность населения и давняя освоенность территории; давно сложившийся каркас сети городов (по большей части сохранивших свое культурное своеобразие); интенсивность культурных связей и коммуникаций при их пространственной неравномерности и подвижности; давно укорененное и развитое региональное самосознание населения. Культурный регионализм в России, напротив, формировался в условиях централизованного, но полиэтничного государства. Этническое разнообразие стало особенно значимым культурно-дифференцирующим фактором. В большинстве европейских стран регионализация культуры протекала в первую очередь по мере «уплотнения» освоенного пространства и его «обустройства», в России — в основном по мере формирования локальных субкультур в процессе колонизации новых территорий и инкорпорации в культурное пространство иноэтнических ареалов. В России, в отличие от Западной Европы, особенно в пределах этнокультурного мегаядра страны, «вертикальная» поляризация пространства (различия «город — село», «крупный город — малый город») выражена в настоящее время более рельефно, чем его «горизонтальная» дифференциация, то есть различия между культурными районами. Таким образом, при описании местонахождения какого-либо локуса в культурном пространстве определяющее значение в подавляющем большинстве случаев имеет уже не принадлежность его к тому или иному большому культурному ареалу, но его собственный статус и близость к крупному центру. В XX в. деструкция традиционной сельской культуры в России почти повсеместно нашла отпечаток и в упадке региональных идентичностей. Их «ренессанс» наметился лишь с концом советской эпохи.

Два последовавших доклада были подготовлены в рамках реализуемого ИИиА УрО РАН проекта РФ «Картографические методы в исторических исследованиях: пространственная статистика, картирование границ, локализация археологических памятников» (№ 22-78-10159). Сообщение с. н. с. ИИиА УрО РАН Е. С. Гришина и н. с. ИИиА УрО РАН Д. А. Крутова было посвящено методологическим проблемам исторического картографирования на примере атласа Крыма периода его нахождения в составе Таврической губернии. По мнению докладчиков, практика составления комплексных тематических атласов, апробированная на примере атласов отдельных областей, разработанных в 1960–1970-е гг., показала высокую эффективность совмещения разнотематических карт одного региона в общем сборнике: это значительно повышает информативность каждой отдельной карты при сопоставлении их с картами прочих тематик, позволяет проследить связанность и преемственность картографируемых явлений и процессов. Крымский полуостров в составе Таврической губернии был выбран в качестве опорного региона в силу ряда присущих ему характеристик: разнообразие географической среды; наличие разных этнических и конфессиональных групп; вариации в формах освоения территории и хозяйственной деятельности; динамичные социально-экономические и демографические процессы. При определении структуры атласа использовалось совмещение тематического и хронологического подходов: карты, посвященные хронологически стабильным разделам (общая география, климат, почвы и природные ресурсы), вынесены в общий раздел, без привязки к конкретному периоду. Отдельные разделы посвящены этапам изучения территории Крыма в период его нахождения в составе Российской империи (рост картографической изученности, маршруты путешествий, ход открытия и изучения памятников материальной культуры). Назначение атласа состоит не только в разработке истории выбранного региона в формате картографических материалов, но и в накоплении опыта комплексного исторического полимасштабного картографирования, формировании типовых решений наиболее востребованных историко-картографических задач, которые могут возникать перед исследователями.

В докладе с. н. с. ИИиА УрО РАН А. В. Дедука была рассмотрена проблема локализации границ территории двух «волостей» XV в. Почеп и Передол, располагавшихся в бассейне р. Протвы, левого притока р. Оки. Эти две административные единицы в 1410-х гг. стали приданным дочери московского князя Василия I Анастасии, выданной замуж за киевского князя Александра Владимировича. В 1458/59 г. Почеп и Передол были пожалованы княгиней Анастасией Троице-Сергиеву монастырю. В исторической литературе волости Почеп и Передол обычно локализуются по их одноименным центрам. В работе изучена история двух волостей в XV–XVIII вв., итогом чего стал вывод о том,

что их территория с середины XV в. практически не изменилась. Это дает возможность определить площадь двух административных единиц XV в., которая составляет около 20 кв. м. В докладе были подробно разобраны и локализованы «разъезды» конца XV в., которые установили границы, оставшиеся неизменными до эпохи Генерального межевания. Кроме этого, удалось установить, что волость Почеп являлась анклавом Малоярославского уезда. В докладе было отмечено, что территория двух волостей относилась к «отменным местам рязанским», которые вошли в состав Московского княжества в середине XIV в. Как известно, земли по берегам р. Протвы в XVI–XVII вв. были достаточно пестрыми в административном плане: здесь сходились границы Тарусского, Оболенского, Малоярославского, Калужского, Медынского и Боровского уездов. В сообщении было высказано предположение, что такая ситуация во многом отражает особенности конфигурации границ различных политических образований эпохи феодальной раздробленности.

На семинаре было представлено еще два доклада, посвященных проблемам картографирования землевладений и населенных пунктов России эпохи раннего Нового времени. К. С. Кунавин, к. и. н., с. н. с. Лаборатории социальной истории Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, сделал сообщение об особенностях локализации сельских поселений XVII в. В его докладе рассматривалась проблема определения точного расположения населенных пунктов южного фронта середины XVII в. Первичные сведения о населенных пунктах содержатся в писцовых книгах XVI–XVII вв. В частности, сообщаются название населенного пункта, водоем, при котором он расположен, его статус (село, сельцо, деревня, слобода и т. д.), иногда — численность душ мужского пола или количество дворов. Для локализации этих данных используются картографические источники. Существенной проблемой является то, что наиболее ранние карты и планы, подходящие для решения этой задачи, датируются лишь концом XVIII в., то есть временной разрыв между письменной и визуальной информацией составляет более 150 лет. В рамках этой работы был поставлен эксперимент. Его цель — выяснить, какую долю населенных пунктов из писцовых книг возможно будет локализовать, не прибегая к дополнительным источникам или экспертной информации. Иными словами, предстояло определить степень топонимической или субъектной устойчивости населенных пунктов в период быстрого экстенсивного освоения региона. Априорные сценарии утраты топонима или утраты субъектности показывают, что наиболее распространенным фактором этого процесса является интенсивный способ хозяйствования. Эти размышления корректно предсказывают итоговый результат: в экстенсивно осваиваемом регионе доля нелокализованных населенных пунктов будет существенно уступать доле обнаруженных. Исходный массив состоит из 152 объектов, большая часть из которых (65 %) является селами. Помимо них также присутствуют в достаточном количестве деревни (24 %) и слободы (9 %). Не поддаются локализации 34 объекта (22 %), половину из которых составляют деревни. На доминирующие в исходном массиве села здесь приходится 41 %. Данная диспропорция позволяет связать зависимость топонимической и субъектной устойчивости от размера населенного пункта. Это справедливо не только в разрезе типологии населенных пунктов, но и в разрезе численности населения внутри каждого типа. Так, среднее количество душ мужского пола в селах исходного массива равно 249, а нелокализованного — 188; для деревни это 101 и 76 соответственно.

Цель совместного доклада А. Л. Грязнова, с. н. с. НП «НИЦ «Древности» (Вологда), и к. и. н. А. В. Сергеева, заведующего кафедрой промышленной безопасности Института промышленной безопасности, охраны труда и социального партнерства (Санкт-Петербург), заключалась в систематизации и расширении сведений, а также выявлении тенденций эволюции землевладения Стародубских и Белозерских Юриковичей. Данные для исследования были получены из родословных и писцовых книг, актов, экономических примечаний к Планам Генерального межевания и т. п. В начале XVI в. в Белозерском уезде располагались владельческие комплексы князей Кемских, Согорских, Андомских, Вадбальских, Ухтомских, Шелешпальских, Угольских и Дябринских. Белозерские Юриковичи (кроме Кемских и Согорских) не смогли выработать и последовательно реализовать механизм сохранения родовых земель. С ростом численности наследников вотчины дробились, выморочные владения уходили в монастыри. Крупные вотчины Кемских, Согорских, Андомских, вероятно, были «взяты на государя» вследствие пребывания уезда в опричнине и пресечения двух первых указанных фамилий. Вадбальские, Ухтомские, Шелешпальские, Дябринские могли быть тогда же выселены из «родовых гнезд». В 1620-х гг. в Белозерском уезде родовое

землевладение было в незначительной мере восстановлено Вадбальскими, а в Пошехонье — Ухтомскими. Крупная родовая вотчина вернулась одной из ветвей Шелешпальских. На эволюцию землевладения князей Стародубских повлияло резкое уменьшение численности большинства фамилий в последней трети XVI в. в результате гибели князей в ходе почти непрерывно ведшихся войн, сопутствовавших им эпидемий и, в меньшей мере, опричных репрессий. Выморочные владения передавались монастырям, попадали в «дворцовые земли», иногда шли «в роздачу» помещикам. В Стародубе тенденция «умирания» крупных вотчинных комплексов местных княжеских фамилий проявилась вполне отчетливо уже в конце XVI в. Однако возвышение Пожарских и Ромодановских, сохранение высокого положения Хилковыми и Татевыми создали здесь в первой половине XVII в. условия для «ренессанса» родового княжеского землевладения. Построенные карты иллюстрируют изменения размеров владений, состава землевладельцев рассматриваемых уездов в середине XVI в. и в 1620-х гг.

Доклад С. И. Цеменковой, к. и. н., доцента кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета (Екатеринбург), был посвящен истории изменения архитектурно-пространственного облика Екатеринбурга в период с 1723 по 1781 г. В первые десятилетия своего существования Екатеринбург являл собой результат переплетения идей идеального «регулярного» города, саксонского опыта создания практичной, недорогой, пожаробезопасной промышленной застройки и характерной для того времени практики строительства укрепленных фортификацией городов и заводов. Заложенная изначально в планировку города идея регулярности сохранялась достаточно долго, хотя все это время территория нового населенного пункта постоянно расширялась. Уже в 1735 г. Екатеринбург начинает постепенно перестраиваться: для увеличения площади гостиного двора сдвигается вонне западная стена крепости, в городе появляются каменные здания, в частности двухэтажное здание горной Канцелярии. Уже к середине 1720-х гг. фиксируются первые стихийные выходы селитебной застройки за пределы города. Эта тенденция сохраняется и в период восстания Е. Пугачева, когда город обретает вторую земляную крепостную стену, охватившую все посады, бывшие до этого вне старой крепости. Эта стена уже не имела четких геометрических форм, и можно считать, что к концу 1770-х гг. заканчивается период послепетровских изменений первоосновы города. Накапливаются изменения в масштабах и архитектуре города, организации его внутреннего пространства. Крепость-завод превращается в достаточно крупный город. Композицию ансамбля Екатеринбурга формировали одноэтажные, в основном деревянные, дома и вертикали церквей и соборов. От первоначальной крепости-завода остались лишь планировка центра, территория завода (также с изменениями), плотина. Исчезают постепенно земляные валы крепости, и хотя в конце 1780-х гг. появляется проект строительства вокруг города каменной стены, до его реализации дело не дошло.

Два заключительных доклада семинара, посвященных исторической демографии, опубликованы на страницах настоящего номера. Это статьи А. И. Татарниковой и Н. М. Игнатовой. Редколлегия Историко-географического журнала намерена опубликовать полные тексты остальных докладов семинара во втором томе в 2023 г.

Открытый историко-географический семинар в Екатеринбурге был организован АНО «НИЦ «Молодые историки Урала» совместно с Институтом истории и археологии УрО РАН, Пермским государственным национальным исследовательским университетом, Научным издательством «Большая российская энциклопедия», Уральским федеральным университетом. Мероприятие проводилось при поддержке Фонда-оператора президентских грантов по развитию гражданского общества. Проект № 21-2-002276.

Докладчики семинара и оргкомитет